

Матвей Грубиан Неделя в Биробиджане.

Грубиан Матвей Михайлович (Мотл Грубиан) (1909 –1971 гг.) – еврейский (идишеязычный) советский поэт.

Как и абсолютное большинство поэтов и писателей своего времени, М. Грубиан придерживался в своем творчестве известных канонов социалистического реализма. В известное – и недоброе – время Грубиан был репрессирован и в одном из лагерей близко познакомился с биробиджанцем Г. Рабинковым.

Предлагаемый нашему читателю очерк столичного писателя «Неделя в Биробиджане» был опубликован в 1968 году и, естественно, несет на себе «оптимистический» отпечаток своего времени. Но ведь настоящий писатель – это человек, который не может не писать (Грубиан, может быть, даже с риском для жизни писал стихи на обрывках бумаги даже за колючей проволокой). Что касается «биробиджанской» темы, она стала всего лишь эпизодом в творчестве поэта, выступившего после посещения им нашей области в роли журналиста. Что же касается тональности грубиановских заметок о Биробиджане, то ведь из жизни ни года, ни дня не выбросишь, и об истории Еврейской автономии многие из нас могут сказать словами старой песни: «Это наша с тобой биография». Остается лишь (не без сожаления, признаемся) добавить, что в подавляющем большинстве своем еврейские литераторы-профессионалы советской поры, прославлявшие «богатую и счастливую землю Биробиджана», жить предпочитали по преимуществу все-таки где-нибудь в Москве или не так далеко от нее. «Тенденция однако...», как со вздохом констатировал подобные ситуации в одном из анекдотов коренной житель дальневосточного Севера.

ПРИКРУТИТЕ ФИТИЛЬ ФОНАРЯ...

Биробиджан! Большие буквы – справа на идише, слева на русском – венчают двухэтажное здание железнодорожного вокзала. Вот скоро и встречу я с людьми из моего детства, обнимусь и расцелуюсь с земляками своими: уманскими, тальновскими, винницкими, гуляйпольскими и буковинскими евреями. И, конечно же, постараюсь воздать должное и недавним переселенцам этого края, и в особенности его старожилам, которых Биробиджан, между прочим, спас от гибели. Ведь чем больше еврейских семей переселялось в свое время сюда, на Дальний Восток, тем меньше могил и пепла осталось потом на занятых немцами землях Украины, Литвы, Белоруссии.

А здесь земляки мои корчевали тайгу, грелись у костров, мокли под проливными дождями, страдали от жажды и гнуса, но таки обрели свой дом. И сейчас этот дом, открытый всему миру, смотрит вдаль широкими светлыми окнами.

С превеликим удовольствием я бы поднялся сейчас на крышу вокзала, чтобы собрать с него все одиннадцать букв слова «Биробиджан» (на еврейском в этом названии их именно столько – **прим. ред.**) и донести их до сердца каждого советского еврея. Да только как можно оставить вокзал без имени?.. Ведь через него едут люди всего света – едут от Тихого океана до Черного моря и далее.

...Еще днем я сидел в кабине лайнера, трудившегося в небе больше десяти часов кряду, и щурил глаза от пронзительно-яркого дальневосточного солнца, казавшегося мне третьим крылом нашего самолета. Приземлились мы в Хабаровске.

От Хабаровска до Биробиджана экспрессом «Россия» можно добраться за три часа. Но для человека моей профессии удобнее передвигаться по железной дороге обычным пассажирским поездом. Едет он, разумеется, медленней, но при этом, что главнее всего, едете и вы. Прислонившись лбом к запотевшему стеклу вагонного окна, пытаюсь представить себя сейчас на середине Амура, который расстилается по обеим сторонам длинного моста и подо льдом выглядит будто застекленный. Эх, выхватить бы сейчас удочкой из той вон полыньи ленка фунтов на десять да вынести его на бережок! Но только очень-очень осторожно надо ступать по амурскому льду, который сейчас, в весеннюю пору, не ручается за свою прочность. На его белом поле ты как слеза на реснице: шаг – и ты под водой.

Поезд мчится вперед, и тебе кажется, что кто-то большой и сильный стоит посреди чистого поля и, один за другим срывая с неба огромные голубые полотнища, бросает их тебе навстречу.

Даже на цветы я не люблю смотреть сквозь стекло, а уж если за стеклом целый мир... Я открываю окно и, высунув голову, ищу глазами Волочаевскую сопку, на вершине которой воздвигнут памятник-музей в память о дальневосточных героях-партизанах. Мое лицо освежает ветер с весенних полей, а навстречу мне, словно гонцы из Биробиджана, бегут стайки молодых березок, уже очнувшихся от долгой зимней дремы. А вот, вижу, возвращаются с пастбища коровы. Тихий светлый вечер плывет над землей и, кажется, переносит нас на своих мягких крыльях в какой-то другой мир.

...Переночевав в гостинице «Восток», буквально с первыми петухами выхожу знакомиться с главным городом Еврейской автономной области. Газетные киоски и магазины еще закрыты, за неотягощенными листвой древесными кронами виден тающий диск луны. И если хорошенько вслушаться, то наверняка различишь едва уловимый шепот деревьев: «Уходи уже, уходи, луна. Твое время кончилось, а ты еще здесь. Или ты не видишь, что наступает день?» Сами деревья дышат ночной свежестью. А на их ветках, сочиняя незамысловатые гимны прозрачному утру, суется неугомонные птицы.

В этот ранний час я иду к еще дремлющей подо льдом Бире. Чтобы попасть на ее берег, надо пройти через городской парк, миновав по пути деревянный мосток над прудом. Река Бира похожа сейчас на широкое отбеленное полотнище, небрежно брошенное на уже освободившуюся от снега землю. Но под берегом уже голубеет вода. Гадаю про себя: а как бы изобразил эту реку художник?

По-моему, с нее можно вполне написать портрет величественной и гордой красавицы... Становлюсь одним коленом на холодный камень и, зачерпнув обеими ладонями речную воду, медленно пью. Я знаю, почему я сейчас пью. Мысленно я произношу тост за просторную улицу Шолом-Алейхема, тонушую летом в зелени и солнечном сиянии. За биробиджанских машиностроителей, за рабочих и инженеров мебельной и текстильной фабрик, за колхозников и педагогов, агрономов и врачей. И еще – за сопку Тихонькую, сопку, стоя на вершине которой, поэт Самуил Галкин сочинил когда-то прекрасные стихи. За сопку, с которой однажды люди увидели, какую уймищу озер, озерков и непроходимых болот вмещает эта округа. Можно произнести спич и в честь новой гостиницы, поднимающей этажи в голубое небо, и в честь строящихся кварталов над Бирой.

...Сегодня я хочу побывать на улице, которая по решению Биробиджанского горсовета была названа в честь Эммануила Казакевича, а перед этим пройти по километровой улице Калинина. В данный же момент я нахожусь неподалеку от деревообрабатывающего комбината, возле текстильно-швейной фабрики. Несколько минут ходьбы – и я стою уже в начале улицы Ленина, на которой расположились редакции газет «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер штерн». Биробиджан, впрочем, не заставит вас блуждать. А вот в отношении него может заблуждаться лишь тот, кто вообще худо ориентируется в этой жизни. Тот, кто годами плутает и топчется перед избитыми вопросиками: «Вы говорите, что в Биробиджане есть евреи? Но, скажите, сколько?..». Честно говоря, в Биробиджане таки не так много евреев, да. Только можно подумать, что весть о еще одной еврейской семье, переселившейся в Биробиджан, сделает скептика выше ростом, шире в плечах и подарит ему десять пудов здоровья. И давайте ответим разным блуждающим так:

– Вы хотите, уважаемый реб айд, чтобы в Еврейской автономной области было больше евреев? Хорошо. Тогда, будьте добры, соберите все свои вещи, прихватите с собой немножечко везения, садитесь на поезд или в самолет, и в Биробиджане будет уже на одного еврея больше. Так что не заблуждайтесь, дорогой еврей, и не расхаживайте днем с огнем по городу Биробиджану в поисках соплеменников. Или хотя бы прикрутите фитиль вашего фонаря, чтобы он не так чадил. Светлее от него все равно ведь не станет.

ОТ ВСЕХ ЩЕДРОТ СВОИХ

Где находится страна, где реки текут молоком и медом? Может быть, только в сказке? А вот я теперь знаю точные географические координаты этой страны. Она расположена здесь, на биробиджанской земле, в горах Кульдура, где подземные воды творят чудеса, возвращая безнадежно больных людей к нормальной жизни. Здесь еще помнят содержание древней тунгусской песни, в которой говорится о двух оленях, которых преследовал в тайге охотник и которые вывели его сюда, к целебным кульдурским ключам. Здесь и находится та страна.

А откуда название «Биробиджан»? От наименований здешних рек – Биры и Биджана – рек, в которых водятся лучшие в мире виды рыб. Чем же заслужила земля среди гор и тайги репутацию страны, текущей молоком и медом? Да просто тем, что она именно такая и есть! В биробиджанских лесах произрастает великое число плодовых и ягодных деревьев и кустарников. Здешняя флора – поистине мир чудес. Солнцелюбивые деревья растут здесь по соседству с кедрами и елями, способными переносить самые лютые морозы. Маньчжурский орех и северянка-лиственница дышат тут одним воздухом, а стволы их порой обвиты лозами одного виноградного куста.

Один мой знакомый биробиджанский еврей как-то показал мне карту области, на которой он собственноручно обозначил, где и что он встречал в здешних местах, еще не заселенных людьми.

Значились на той карте олени и куропатки, медведи и фазаны, соболи и тетерева, дикие кабаны и утки. А здешние горы природа благословила железными рудами, каменным углем и графитом, мрамором и доломитами.... Да, мне посчастливилось собственными глазами видеть сказочную землю, текущую молоком и медом!

НА ТРАНСФОРМАТОРНОМ ЗАВОДЕ

Его портрет в дни больших праздников носят по улицам. У него есть Почетный диплом, в котором удостоверяется, что он, Гиллель Исакович Блехерман – «Мастер – золотые руки».

– Если у вас есть такое желание, – сказал мне Гиллель, – мы вместе можем пройти по заводским цехам. Хотите?

И Блехерман ведет меня по просторным и вместительным цехам его завода. Я неспроста говорю «его завода». Потому что в какой бы уголок вы здесь ни заглянули, куда бы ни обратили взгляд, нет такого места, где бы вы не увидели «кусочек» работы Гиллеля Блехермана.

Тридцать лет на заводе – это, считай, вся жизнь. Ну а звание «Мастер – золотые руки» просто так, ни за что ни про что, не присваивается. Сейчас Гиллель на пенсии, и у него есть время поводить меня по цехам. Я прикасаюсь рукой к готовым деталям, ощущаю холод металла, и сердце мое трогает необъяснимое щемящее чувство: как далеко в прошлом осталось для меня время, когда из рук моих выходили вот такие же гладко отточенные и отливающие серебром тяжелые кругляши!

В каждом цехе меня тотчас же обступают евреи, которые в 1930-х собственными руками, располагая самыми примитивными техническими средствами, закладывали фундамент трансформаторного завода, ставшего теперь гордостью Биробиджана и всего Дальнего Востока.

И вот еще одна приятная встреча – встреча с земляком моим из Умани, Израилем Бендерским. Расположившись в самом большом заводском цехе, он торгует газировкой. Бендерскому уже под семьдесят, но он никак не хочет расставаться с заводом. Хотя, что можно заработать, продавая «воду с воздухом»?

– Пейте, мои хорошие, и будьте уже здоровы! – приговаривает «торговец», ловко наполняя стаканы. – Между прочим, в Биробиджане моя лавочка единственная, где с вами будут говорить только по-еврейски.

На трансформаторном я встречал евреев из Гайсина и Гомеля, из Петрикова и Ставича. И все приглашали меня в гости. А как же! Писатель из Москвы непременно должен увидеть, как живут ставчанские, гомельские, уманские и прочие евреи, все ставшие теперь биробиджанскими. Ну и естественно будет предположить, что самый первый визит я предпочел нанести Блехерману.

Дома Гиллель показал мне множество разных диковинок, которые он изготовил собственными руками. В числе таковых даже холодильник.

– Вы видите перед собой холодильник моего собственного изобретения, – говорил мне хозяин. – И будь у человека даже десять голов, он – можете мне поверить – ни за что не отличит этот агрегат от покупного. Да-да! Посмотрите хоть на эти вот золотые буквы на эмалированной дверце. Откройте дверцу и взгляните на отделения для продуктов. Ну или на эти вот электрические соединения. Ну, конечно же, все-все сделал я сам....

На секунду забыв о холодильнике, Гиллель открывает сервант, сплошь заставленный хрусталем, и я вижу в его руке толстую пачку фотографий.

– Вот посмотрите: это два моих сына – пусть они уже будут здоровы – Ицик и Феликс. Ицик работает на судоремонтном заводе на Каспии. Феликс тоже ремонтирует корабли. Но это уже на Балтийском море. И вы просто не представляете себе, как я бываю рад, когда мои «матросы» приезжают домой в гости к отцу.

ЧТО ПРОИЗОШЛО С ЯНКЕЛЯМИ, ШЛЕМАМИ И ФЕЙГАМИ

К переселенческому эшелону, который летом 1948 года отправлялся из Днепропетровска в Биробиджан и шел через Москву, пришли Соломон Михоэлс, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Лейб Квитко, Ицик Фефер и еще много писателей. В числе их был и автор этих записок. Мы вручили тогда пассажирам восточного экспресса подарок – книги. Разносили мы их по вагонам сами, очень надеясь на то, что семена «разумного, доброго, вечного» взойдут и дадут щедрые плоды на благодатной биробиджанской земле.

Переселенцы ехали на Дальний Восток со всем своим скарбом. Среди взрослых крутилось тогда немалое число шустрых Янкелей, Шлемок, Хаек и Фейг. Теперь все они должны быть вполне взрослыми людьми. Ведь со времени той нашей встречи с пассажирами поезда «Днепропетровск – Биробиджан» как-никак минуло целых двадцать лет, и кто может знать, куда унесла каждого из них бурная река жизни...

Тогда, в 1948-м, с одним из Янкелей, о которых тут речь веду, мы сидели прямо на траве привокзального скверика и вели неспешную беседу. Двери вагонов были широко распахнуты. Слышно было, как в вагонах и возле них шумели примусы. Неподалеку стайка девушек пробовала танцевать под аккомпанемент какой-то новой веселой мелодии, которую любительницы танцев воспроизводили собственными голосами. Женщины занимались нехитрым своим хозяйством, распаковывали и упаковывали вещи, стараясь устроиться поудобнее: ведь впереди у них было целых две недели дороги. Тогда, сидя на траве, я, как это часто бывает у взрослых, поинтересовался у Янкеля, кем он будет, когда вырастет.

– Еще не знаю. Но только шапки я точно шить не буду, – услышал я ответ.

– А почему ты не хочешь быть именно шапочником?

– Люди ведь могут ходить без шапок? Даже зимой. А когда сильный ветер дует, так шапки постоянно с головы сдувает, как у моего дяди Менаше. Тетя его всегда ругает: «И что у тебя за голова такая, что на ней даже шапка держаться не хочет!»

– Так, может, ты хочешь стать сапожником?

– И сапожником не хочу. В Биробиджане я, если вы хотите знать, буду почтальоном. Мне велосипед дадут. И будет у меня много-много газет и журналов. И много разных красивых марок из разных стран. К тому же почтальона весь город знает, вот.

Да, конечно. Почтальон есть почтальон. Однако не сдержал своего слова Янкель и таки стал специалистом по пошиву обуви. И не абы какой обуви, а дамской и притом – модельной. И обуви такой делает он столько, что ни одному кустарю и во сне не приснится. Янкель, можете себе представить, – директор Биробиджанской обувной фабрики, которая обеспечивает дамскими туфлями весь Дальний Восток.

Молодой директор любит запах готовой обуви, только что сошедшей с конвейера. Надо видеть, как трепетно он берет в руки готовую пару туфель, отливающих благородным блеском и так вкусно пахнущих свежим лаком. В глазах директора читается неподдельное, почти детское восхищение. Такое выражение лица я не однажды наблюдал у мальчишек, пускающих бумажные кораблики. Только что отшумела гроза, уже всю светит солнце, но по улицам еще шумят бурные ручьи и ручейки. И вот спускается на воду грациозный белый кораблик. Секунда – и он уже стремительно мчится вперед. Все дальше и дальше...

СЕМИНАР ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ

Мой биробиджанский день час от часу заполнялся делами, и от ежеутренних свиданий с красавицей Бирой мне пришлось отказаться. Теперь я до позднего вечера просиживаю в гостиничном номере, читая произведения моих товарищей по цеху – биробиджанских еврейских

писателей и поэтов Бузи Миллера, Гершла Рабинкова, Любы Вассерман, Сальвадора Боржеса, Ицика Бронфмана, Макса Рианта. Все они – участники семинара поэтов и прозаиков, на который на днях съезжаются литераторы Еврейской автономной области и всего Хабаровского края. О каждом писателе-еврее, как и о писателях других национальностей, участвующих в работе семинара, будет прочитан отдельный доклад.

Еврейские литераторы чувствуют себя сейчас прямо как на собственной свадьбе. Во-первых, потому что большой писательский форум проходит у них дома, в Биробиджане, во-вторых, в ходе семинара им, пишущим на языке идиш, будет посвящено целое заседание.

Меня несказанно порадовали произведения Бузи Миллера. Изысканность авторского стиля нисколько не мешает им оставаться предельно реалистичными. Почти каждая новелла Бузи представляет собой небольшую лирическую поэму. Читая миллеровских «Перл и Ноя», вы невольно ощущаете себя участниками действия, о котором повествует этот рассказ. На мой взгляд, как писатель, интересен Гершл Рабинков, журналист по профессии, человек, превосходно ориентирующийся в «технологии» литературного творчества. Довольно сильное впечатление произвел на меня его роман об отце еврейского театра Авроме Гольдфадене. Рассказы и новеллы Гершла Рабинкова, как и недавно написанная пьеса, принесли их автору заслуженное признание.

К плеяде известных в Биробиджане поэтов и прозаиков принадлежит Люба Вассерман. Ее вещи написаны простым народным языком, герои изображаются с большой теплотой, творения поэтессы передают ее трепетно-любовное отношение к ее дому – Биробиджану.

Сальвадора Боржеса я знаю лично вот уже тридцать семь лет. Произошло наше знакомство под Калининдорфом, где я был секретарем комсомольской ячейки поселка «Фрайлэбн» («Свободная жизнь»). Боржес тогда только что эмигрировал из Бразилии, был полон революционного пафоса и с живейшим интересом наблюдал за тем, как люди строили социализм. Именно тогда он прочел мне свои рассказы, написанные уже на его новой родине. Сальвадор Боржес успешно работает в области прозы и по сей день. В своих произведениях он представляет читателю образы рабочих-революционеров капиталистической Бразилии, почти документально изображает сегодняшнюю действительность края, ставшего писателю родным.

А вот один из поэтов уже среднего поколения. И тоже со своим особым лицом и присущим только ему творческим почерком. Работает этот человек в редакции «Биробиджанер штерн», и сборник его стихов вышел недавно в русском переводе. Это Ицик Бронфман. Горячий патриот дальневосточной земли, он посвящает свои стихотворения Биробиджану, Валдгейму, Кульдуру... Самый молодой представитель биробиджанской когорты еврейских писателей – Макс Риант. Пишет он стихи и рассказы о доме, в котором рос и вырос. А привезли его родители в Биробиджан совсем крохотным – первенцу их не исполнилось еще и двух лет. **(Очевидно, автор очерка допустил здесь ошибку. Год рождения Макса Рианта 1923-й. Город Биробиджан появился на карте, конечно же, гораздо позже. – Прим. перев.)**

АКТЕРЫ

В гостинице мне сообщили: меня хочет видеть какой-то человек. Дежурному он сказал, что встретиться желает со мной по чьему-то поручению. А я, признаться, в тот день совсем не был расположен к встречам с кем бы то ни было. Я попросту чертовски устал, просидев целый день в библиотеке имени Шолом-Алейхема, в которой, упомяну кстати, имеется больше ста тысяч книг, в числе каковых десять тысяч – книги на еврейском и которые как раз больше всего меня интересовали.

Нежданного визитера-«делегата», который как будто только и ждал моего появления, мое нежелание принять его оскорбило, кажется, до глубины души, и он, что называется, недолго

думая, заявил мне, что пожалуется на меня «в центр» и что если о моем отказе «контактировать с простыми людьми», не дай Бог, узнают мои коллеги-писатели, то...

— Ну если вы представляете «простых» людей, — перебил я настырного собеседника, — то вам, я полагаю, будет совсем не трудно сообразить, что перед вами стоит человек, у которого в кармане лежит билет на самолет и который завтра в пять утра должен вылететь на том самолете в Москву, если перед этим даже объявят конец света.

— Никуда вы не поедете и не полетите, — категорически заявил мой «гость». — Нам, биробиджанским артистам, только что присудили первое место на краевом смотре драматических коллективов! Первое место, слышите! А вы — «билет на самолет»! Мы, конечно, могли бы вам показать свое представление даже утром и даже очень рано. Но что вам стоит немного подождать вечера?

Фото из архива Областного краеведческого музея

И, представьте себе, организатор и режиссер Биробиджанского народного театра Моисей Бенгельсдорф меня победил. Ох уж эти мне актеры! И как это они, скажите мне, пожалуйста, умеют вас околдовать, заморочить вам голову, заставить смеяться или даже проливать слезы, всего лишь чуть-чуть подрумянив щеки и слегка подведя глаза? А у меня, признаюсь вам честно, захватывает дыхание, когда я вижу сцену и вдыхаю особенный воздух зрительного зала. И как бы, и кто бы ни пробовал описать мир под названием «Закулисье», тема эта так и останется неисчерпаемой. Ну а если кому-то однажды посчастливится оказаться в зрительном зале, когда на сцене дают комедию Гершензона «Гершеле Острополер», от которой весь Биробиджан, что называется, ходором ходит, то вам позавидуют в самой Москве. И мне вы позавидовать можете! Потому что мне довелось испытать на себе то, о чем я сказал. Зрители смеются и плачут, зал то замирает, затаив дыхание, то неистовствует, взрываясь громом оваций, и актеров все никак не хотят отпустить со сцены....

А после спектакля на сцене городского Дворца культуры появляются парни и девушки. В руках у них — фотоаппараты и кинокамеры. В сборе все участники представления. Здесь же я вижу художника Фельдмана, декоратора Скальника, музыкантов театрального оркестра, поклонников и гостей — короче говоря, всех-всех, кто хотел бы надолго запомнить этот день. Вот этот снимок: много-много цветов, в самом центре — режиссер, слева и справа от него — люди, и тоже с цветами в руках... Имей ты хоть семь пядей во лбу и будь ты хоть трижды талантлив, ты не сумеешь передать словами атмосферу всеобщего ликования, которая царит здесь в эти минуты.

ЗАЙ ГЭЗУНТ, БИРОБИДЖАН!

Но вот и настало время прощаться с моими биробиджанскими друзьями, с прекрасной страной, текущей молоком и медом – с Биробиджаном. Я сижу в салоне роскошного лайнера, прокладывающего по небу путь из Хабаровска в Москву, и с сожалением размышляю о том, как все-таки много авиапассажир теряет в сравнении с тем, кто предпочитает передвигаться в поездах. У меня щемит сердце от того, что, побывав в Сибири и даже дальше Сибири, я не увидел и не увижу Байкала и множества городов – городов старых и совсем молодых, тайги и рек, рожденных в таежных дебрях. Все это недоступно взгляду человека, передвигающегося по синей пустоте безграничных небес.

И еще я жалею, что, побывав на Дальнем Востоке, я не увидел остров Сахалин и не стоял на морском берегу во Владивостоке. Однако тем крепче будут держаться в моей памяти места, где когда-то жались к ниточке железной дороги избы станции Тихонькой на болоте – станции, ставшей потом городом Биробиджаном. Живи и здравствуй, прекрасная и дорогая моему сердцу Еврейская автономная область! Я еще вернусь к тебе.

1968 год.

Перевод с идиша: Валерий Фоменко